

УДК / UDC 341 (477)

DOI 10.35231/18136230_2021_3_20

Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине

В. В. Михайлов

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В современных правовых теориях групповая идентификация является одним из существенных элементов развития целостной практики правовой защиты. Поэтому борьба за определенную идентифицируемость ущемляемых в своих правах групп является актуальной темой как юридической теории, так и практики.

В статье исследованы проблемы международной правовой защиты официально неидентифицируемых групп в ходе длительного немеждународного военного конфликта. Рассмотрены последствия для правового положения населения республик ДНР и ЛНР отказа руководства Украины признать его групповую идентичность. Обосновано, что политика непризнания культурно-исторической, языковой и территориальной общности вызвала глубокий и длительный гражданский конфликт, вылившийся в военное противостояние.

Предлагается на основе международных актов, а также практическом применении положений теории групповых прав вести борьбу за прекращение нарушения прав населения ДНР и ЛНР, а также обеспечение гарантий ненарушения этих прав в будущем.

Ключевые слова: групповые права, правовая защита, Римский статут Международного уголовного суда, внутренние военные конфликты, военные преступления, преступления против человечности.

Для цитирования: Михайлов В.В. Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 20–33. DOI 10.35231/18136230_2021_3_20

Legal problems of non-recognition of vulnerable groups in Ukraine

Vadim V. Mikhailov

*State University of Aerospace Instrumentations (SUAI),
Saint Petersburg, Russian Federation*

In modern legal theories, group identification is one of the essential elements of the development of a holistic practice of legal protection. Therefore, the struggle for a certain identifiability of groups infringed in their rights is an urgent topic of both legal theory and practice.

The article examines the international legal protection of officially unidentified groups during a long non-international military conflict, using the example of consequences for the legal status of the population of the republics of the DPR and LPR of the refusal of the Ukrainian leadership to recognize its group identity. It is proved that the policy of non-recognition of the cultural, historical, linguistic and territorial community caused a deep and long civil conflict, which resulted in a military confrontation.

It is proposed, on the basis of international instruments, as well as the practical application of the provisions of the theory of group rights, to fight for the cessation of violations of the rights of the population of the DPR and LPR, as well as ensuring the guarantee of non-infringement of these rights in the future.

Key words: group rights, legal protection, Rome Statute of the International Criminal Court, internal military conflicts, war crimes, crimes against humanity.

For citation: Mikhailov, V.V. (2021). YUridicheskie problemy nepriznaniya uyazvimykh grupp na Ukraine [Legal problems of non-recognition of vulnerable groups in Ukraine]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (65). pp. 20–33. DOI 10.35231/18136230_2021_3_20 (In Russian).

Введение

Продолжающийся с 2014 г. гражданский конфликт на востоке Украины привел к многочисленным трагическим фактам нарушения прав человека, гибели людей, жилищ и целых населенных пунктов, разрушению гражданской инфраструктуры, созданию условий, препятствующих проживанию, труду, рождению и воспитанию детей населения, находящегося в зоне конфликта. Защита этого населения, осуществляющего свое право на собственное культурное и социальное развитие, является одной из сложных, но необходимых задач российской внешней политики, сталкивающейся с противодействием как современных украинских властей, так и многих международных структур и руководства иностранных государств.

При этом гражданский конфликт на территории Украины имеет практически все признаки длительного немеждународного военного конфликта, в ходе которого происходят преступления против человечества, а также нарушения правил ведения войны, насилие и агрессия в отношении мирного населения. Эти нарушения и преступления имеют свое определение и свою кодификацию в современном международном праве, однако в отношении военного конфликта на Украине правоприменение международной правовой защиты сталкивается с рядом проблем, имеющих как собственно юридический, так и политический характер.

Нарушение прав населения ДНР и ЛНР в свете международного законодательства

В 1998 г. Организацией Объединенных Наций был принят Римский статут Международного уголовного суда¹, статья 8-я которого определяет нормативные основания военных преступлений, в том числе в отношении населения, находящегося на территории военных действий, но не участвующего в военных действиях. К числу таких преступлений в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, к которым относится конфликт на востоке Украины, Римский статут относит в частности:

- посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки;
- посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное и унижающее обращение;
- взятие заложников;
- умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях;
- умышленное нанесение ударов по зданиям, материалам, медицинским учреждениям и транспортным средствам, а также персоналу, использующим в соответствии с международным правом отличительные эмблемы, предусмотренные Женевскими конвенциями;
- умышленное нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам, госпиталям и местам сосредоточения больных и раненых, при условии, что они не являются военными целями;

¹ Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

– разграбление города или населенного пункта, даже если он взят штурмом;

– причинение лицам, которые находятся во власти другой стороны в конфликте, физических увечий или совершение над ними медицинских или научных экспериментов любого рода, которые не оправданы необходимостью медицинского, зубоврачебного или больничного лечения соответствующего лица и не осуществляются в его интересах и которые причиняют смерть или серьезно угрожают здоровью такого лица или лиц;

– заявление о том, что пощады не будет¹.

Многочисленные заявления со стороны представителей Донецкой и Луганской самопровозглашенных республик, подтвержденные видео-, фото-, аудиодокументами и показаниями свидетелей и очевидцев, удостоверяют, что практически все указанные в Римском статуте Международного уголовного суда военные преступления совершаются официальными и неофициальными вооруженными формированиями Украины [1].

Число погибших среди мирного населения увеличивается ежегодно, составив к 2019 г. не менее 3300 чел., раненых мирных жителей – 7–9 тыс. чел. Число внутренне перемещенных лиц составило 1 361 912 чел.²

Непрекращающиеся военные действия вызвали массовую вынужденную миграцию граждан Украинского государства [1; 2]. В отношении пленных солдат самообороны и захваченных работников самозащиты, администрации и социальной сферы ДНР и ЛНР используются пытки, издевательства, унижение человеческого достоинства. При этом «наибольшее количество правонарушений и преступлений в отношении мирных жителей ДНР и ЛНР осуществляется представителями... сомнительных с правовой точки зрения вооружённых формирований» [3, с. 95–96].

Экономический ущерб, связанный с обстрелами поселений разного масштаба и гражданской инфраструктуры, проводимой вооруженными силами Украины, экономической блокадой со стороны правительства Украины, препятствует нормальной жизнедеятельности населения, при

¹ Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. Статья 8: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

² Доклад управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Доклад о ситуации с правами человека в Украине 16 ноября 2018 – 15 февраля 2019 года. ООН: Управление Верховного комиссара, 209. 36 с.

этом уничтожаются медицинские учреждения, школы и дошкольные учреждения, объекты религиозного культа и культуры, транспортная инфраструктура. Украинское государство прекратило выплаты пенсий, финансирование бюджетных учреждений, в том числе медицинские и образовательные, вывела с территории ДНР и ЛНР финансовые и торговые предприятия [5; 10]. На Украине массово преследуются в уголовном порядке лица, отказывающиеся воевать с собственным народом¹.

В ходе внутреннего гражданского конфликта на Украине, результатом которого стал выход Крыма из состава Украинского государства и его присоединение к Российской Федерации, со стороны Украинского государства имелись нарушения и других международных договоров Организации Объединенных Наций, в частности Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду², на что указывает перекрытие дамбой поставки воды в Крым по Северо-Крымскому каналу. В областях проживания гражданского населения Луганской и Донецкой областей в больших количествах применяются противопехотные мины, мины-ловушки, что является прямым нарушением Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств – Протокола II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие³ и других актов, запрещающих применение чрезмерно травмирующих видов вооружения и оружия массового поражения.

¹ Главный военный прокурор: к ответственности привлечены 17 тысяч дезертиров // Украинская правда. 03.03.2015.

² Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г.: [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 15.04.2021).

³ Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств – Протокол II к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 г.: [Электронный ресурс]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/mines_prot2.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

Практика правовой защиты населения в немеждународных военных конфликтах

Согласно ст. 25 Римского статута Международного уголовного суда, ответственность, как и наказание за совершенные военные преступления, имеют индивидуальный характер¹. Международная правовая практика уже имеет ряд примеров применения норм Римского статута к военным преступлениям, совершенным в ряде стран. Так, в 2009 г. по делу Международного уголовного суда «Прокурор против Омара Хассана Ахмад-аль-Башира» «президент республики Судан на основании принципа индивидуальной уголовной ответственности обвинялся в качестве со-исполнителя... в следующих военных преступлениях: умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому... умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не участвующих в военных действиях, разграбление имущества»². В схожем деле «по ситуации в Кении... связанной с насилием в ходе национальных выборов 2007 г., были обвинены в преступлениях против человечности У. Кеньятта и У. Руро (Президент и заместитель Президента)» [4, с. 102]. В деле Международного уголовного суда против высших государственных деятелей Ливии «Прокурор против Саифа Аль-Ислама Каддафи и Абдуллы Аль-Сенусси» «Саиф Аль-Ислам Каддафи, исполняющий обязанности премьер-министра Ливии... был признан виновным и подлежащим уголовной ответственности... за преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву»³.

Правительство Украинского государства начало процесс подписания Римского статута Международного уголовного суда 20 января 2000 г., однако до сих пор не ратифицировала его. Неприсоединение к Римскому статуту является препятствием для вступления Украинского государства в Европейский союз, что установлено ст. 8 Соглашения об ассоциации

¹ Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. Статья 25: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

² Курносова Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: дис. ... канд. юрид. наук, 2015. С. 60–61.

³ Там же. С. 61.

между Украиной и Европейским союзом¹, вступившим в силу 1 сентября 2017 г., которое предполагает ратификацию Статута. Тем не менее, этого до сих пор не произошло, что, вполне может быть следствием понимания в руководстве Украины возможности в будущем попасть под международное уголовное преследование за преступления против человечности, которые не имеют срока давности, согласно Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности². Кроме того, положения ст. 27 Римского статута устанавливают недопустимость ссылки на должностное положение и применение Статута «в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения»³, каким бы правовым иммунитетом это лицо ни обладало по законодательству конкретного государства.

Правовая защита населения ДНР и ЛНР в рамках теории групповых прав

Правовая защита постоянно находящегося в зоне длительного военного конфликта населения непризнанных Донецкой и Луганской народных республик до сих пор представляет трудности, связанные с различными трактовками правового статуса в отношении как территории, на которой происходит конфликт, так и в отношении проживающего на этих территориях мирного населения. Территории Донецкой и Луганской народных республик являются непризнанными, в том числе Российской Федерацией, поэтому политического суверенного статуса население этих территорий не имеет. Однако это не должно быть препятствием для осуществления международной правовой защиты в случае очевидных нарушений признанных международных норм права. В таких условиях значимым может стать принцип правовой защиты групповых прав. Неслучайно, в настоя-

¹ Association Agreement between the European Union and its members, of the one part, and Ukraine, of the other part. Article 8. International Criminal Court // Official Journal of the European Union. 29.05.2014. L 161/8.

² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи от 26 ноября 1968 г., вступает в силу 11 ноября 1970 г.: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.memo.ru/prawo/hum/warcrim.htm> (дата обращения: 15.04.2021).

³ Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. Статья 27: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

щее время получили свою теоретическую разработку такие вопросы правозащитной теории, как «коллективная правосубъектность публично-правовой общности» [12, с. 47] и «коллективная правосубъектность в этнонациональной политике» [13, с. 104–106].

Статья 7 Римского статута определяет, в числе иных, правовые нормы преследования за преступления против человечности, в число которых вошли неправомерные систематические действия насильственного характера, направленные против любых групп мирного населения: убийство, истребление, порабощение, пытки, насильственное исчезновение людей, преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным... или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву¹.

Исходя из вышеуказанных положений Римского статута Международного уголовного суда, можно сделать вывод, что идентифицируемость группы, следствием чего должно быть признание ее правового статуса, играет важную роль в правоприменимости Римского статута в отношении групп, терпящих ущерб или насилие как в международных вооруженных конфликтах, так и в случае внутренних гражданских военных конфликтов в конкретных государствах. При этом Международный уголовный суд обладает юрисдикцией лишь в случае, если государство отказывается расследовать или возбуждать уголовные дела, отвечающие условиям, зафиксированным в Статуте, либо если законодательство этой страны не позволяет этого². Проблема защиты групповых прав русскоязычного населения Украины, следовательно, заключается в том, признается ли данная группа украинским законодательством в качестве самостоятельного носителя группового права, обладающего в том числе, правом на правовую защиту международного сообщества.

Известный либеральный теоретик права профессор В. Ван Дайк полагает, что общности, которые «существуют как целое, а не случайное собрание индивидов» [14, р. 21], можно идентифицировать как группу.

¹ Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. Статья 7: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

² Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. Статья 17: [Электронный ресурс]: URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.04.2021).

Критериями идентифицируемости являются длительность существования и развития группы в обществе, противодействие инклюзии и иным формам изменения, стабильная самоидентификация. Сообщности, которые не удовлетворяют этим условиям, не могут определенно идентифицироваться как группы, и для них Ван Дайк предлагает использовать термины «категория» или «контингент» [14, р. 22]. При этом одной из актуальных проблем Украины, крупного по территории и населению европейского государства, однако не имевшего длительного исторического опыта независимости, является сложная идентифицируемость украинскости, т. е. отсутствие в понятии «украинец» многих значимых групповых спецификаций, помимо территориальной принадлежности к новому украинскому государству. В этом смысле население ДНР и ЛНР обладает общим с всеукраинским неопределенным этнополитическим статусом, однако его культурная и языковая самоидентификация вполне определена и соответствует всем определениям идентифицируемой группы.

Унитарный тип государства, декларируемый конституцией Украины, никак не отвечает действительному состоянию страны и самосознанию и правовому самочувствованию значительных групп населения. Поэтому отсутствует общее, консенсусное доверие к основному закону страны, что, несомненно, является препятствием к развитию и принятию правовых и нормативных актов, следующих далее по иерархии прав и конкретизирующих общие установки конституционных прав, свобод и обязанностей. «При этом население государства в полном своем составе имеет право на самоопределение, поэтому возникающие противоречия в практическом понимании этого права между различными группами населения, без сомнения, становятся точкой внутригосударственных конфликтов, а в случае когда национальная группа одного государства является суверенной нацией другого, это вызывает и межгосударственные конфликты» [8, с. 275].

Культурная, языковая, правовая и экономическая политика, проводимая украинскими властями после антиконституционного государственного переворота 2014 г., нарушает права значительных групп населения, правоспособность которых государство отказывается признавать. «Если же правовая система игнорирует групповую культуру, это зачастую приводит к ущемлению таких прав группы, как право на пользование родным языком, права на образование, права на вероисповедание, а порой и к ущемлению таких основополагающих прав человека, как право на жизнь

и право на труд и его достойную оплату» [9, с. 17]. Именно это происходит в современной Украине и вызвало длительный военный и гражданский конфликт.

Все это определенно создает ситуацию, при которой русскоязычное население ДНР и ЛНР, составляющее большинство на данных территориях, подпадает под категорию «уязвимых групп», правовая защита которых установлена в ряде международных актов, в частности Конвенции ЮНЕСКО о защите и поощрении культурного самовыражения¹, а также в Декларации Тысячелетия ООН 2000 г., в разделе «Защита уязвимых» (VI) которого констатируется уязвимость гражданского населения, испытывающего «страдания в результате стихийных бедствий, геноцида, вооруженных конфликтов и других чрезвычайных гуманитарных ситуаций»².

Положение бесправия и уязвимости населения ДНР и ЛНР со стороны Украины, вследствие непризнания групповой идентичности русскоязычного населения усугубляется тем, что политическое руководство и ряд правоведов Украины применяют к населению непризнанных республик в целом требование деликтоспособности, т. е. требование нести юридическую ответственность за последствия гражданского конфликта. Это требование подтверждено официальным украинским наименованием военного конфликта – антитеррористическая операция (АТО). Такое, совершенно не отвечающее современному состоянию правовой науки и практики, требование еще более усугубляет конфликт, препятствует его разрешению в принципе. При этом как отмечает отечественный теоретик права И.В. Самылов, деликтоспособностью наделяются лишь организации и индивиды, но не социальные или этнические общности [11, с. 71]. При этом, невозможность применения деликтоспособности не может служить основанием для отрицания групповой идентичности, скорее, наоборот, именно к определенно идентифицируемым территориальным,

¹ Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принята 20 октября 2005 года на Генеральной Конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры: [Электронный источник]: URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml. (дата обращения: 15.04.2021).

² Декларация тысячелетия ООН, принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН 8 сентября 2000 года: [Электронный источник]: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 15.04.2021).

гендерным, возрастным, культурным, религиозным, национально-этническим группам невозможно применить такие меры юридической ответственности, как полный запрет или полная ликвидация [6, с. 181–182].

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что непризнание Украинским государством групповой идентичности населения Донецкой и Луганской народных республик, основанном на их национальном, языковом, культурном самоопределении, остается одним из главных препятствий к разрешению длительного военного и гражданского конфликта на Украине, а также ведет к многочисленным нарушениям общепризнанных норм международного права, определяемых и кодифицируемых международным сообществом.

В этих условиях требование автономии или государственного самоопределения, несмотря на то что международное право определяет защиту не столько политических групповых прав, сколько прав на культурно-информационную обеспеченность, является естественной защитой населения от уже совершенных насильственных действий, направленных на уничтожение его социальной идентичности, а также как «гарантия прекращения нанесения ущерба... сообществу» [8, с. 275]. Реализация этих неотъемлемых прав в случае категорического отказа Украинского государства, в рамках принципа субсидиарности [7, с. 22–23] должна быть возложена на компетентные международные организации, наделенные правом официальной идентификации и рекомендацией к признанию, какими могут считаться Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека, комиссариаты ООН, комитеты СНГ и ОДКБ и ряд других.

Список литературы

1. Альконова Е.И., Мартыненко А.В. Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев (в контексте гражданской войны на Донбассе) // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2017. № 1. С. 1–9.
2. Антипов К.А. Украинские беженцы в России: проблемы первичной адаптации (по материалам социологического исследования) // Миграционное право. 2015. № 2. С. 12–16.
3. Глотова С.В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 101–108.

4. Гончаров В.В., Берзегова Н.Н. Современные проблемы, связанные с соблюдением прав человека в военном конфликте на территории Украины // Юридический вестник ДГУ. Т. 34. 2020. № 2. С. 93–99.

5. Григорьев М.С. Целенаправленное уничтожение детских домов, школ, больниц и другой инфраструктуры Донбасса // Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016). М.: Кучково поле, 2016. 432 с. С. 215–289.

6. Лосев К.В., Михайлов В.В. Групповая идентичность: проблемы теоретического определения и практической реализации групповых прав // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 177–185.

7. Матье Б. Баланс между защитой национальной самобытности и выполнением международных обязательств: свободные высказывания о преодолимых вызовах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Т. 17. 2021. № 1. С. 19–23.

8. Михайлов В.В. Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 272–277.

9. Михайлов В.В. О некоторых противоречиях в определении правового статуса групп (коллективов) в современной западной и отечественной теории правовой защиты // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 1 (50). С. 15–20.

10. Петренко Е.Г., Кулешов Е.Д. Проблемы защиты жертв военного конфликта на востоке Украины // Вестник ДГУ. 2020. № 1. С. 86–89.

11. Самылов И.В. Особенности правосубъектности этнических сообществ в рамках общей системы субъектов права // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: сб. науч. трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Манускрипт, 2017. С. 66–73.

12. Селихов Н.В. Народовластие – право коллективных субъектов (концептуальный взгляд). Часть 1 // Правовая культура. № 1 (36). 2019. С. 37–50.

13. Тарбастаева И.С. Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике // Знание. Понимание. Умение. № 4. 2015. С. 101–110.

14. Van Dyke V. The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures. – Dordrecht, 1995.

References

1. Al'kanova, E.I., Martynenko, A.V. (2017). Sotsial'no-pravovaia zashchita bezhentsev i vynuzhdennykh pereselentsev (v kontekste grazhdanskoi voiny na Donbasse) [Social and legal protection of refugees and internally displaced persons (in the context of the civil war in the Donbas)]. *Nauchnoe obozrenie. Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal – Scientific review. International scientific and practical journal*. No 1. pp. 1–9. (In Russian).

2. Antip'ev, K.A. (2015). Ukrainskie bezhentsy v Rossii: problemy pervichnoi adaptatsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Ukrainian refugees in Russia: problems of primary adaptation (based on the materials of a sociological study)]. *Migratsionnoe pravo – Migration Law*. No. 2. pp. 12–16. (In Russian).

3. Glotova, S.V. (2016). Prestupleniia protiv chelovechnosti: genesis i sovremennoe ponimanie kontseptsii [mes against humanity: genesis and modern understanding of the concept]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia – Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. No 3. pp. 101–108. (In Russian).

4. Goncharov, V.V., Berzegova N.N. (2020). Sovremennye problemy, svyazannye s sobliudeniem prav cheloveka v voennom konflikte na territorii Ukrainy [Modern problems related to the observance of human rights in the military conflict on the territory of Ukraine]. *Iuridicheskii vestnik DGU – Legal Bulletin of the DSU*. Vol. 34. No 2. pp. 93–99. (In Russian).

5. Grigor'ev, M.S. (2016). *Tselenapravlennoe unichtozhenie detskikh domov, shkol, bol'nits i drugoi infrastruktury Donbassa* [Purposeful destruction of orphanages, schools, hospitals and other infrastructure of the Donbass]. Grigor'ev, M.S. Obyknovennyi fashizm: voennye prestupleniia ukrainskikh silovikov (2014–2016) – Ordinary fascism: war crimes of the Ukrainian military and security forces (2014–2016). Moscow: Kuchkovo pole, pp. 215–289. (In Russian).

6. Losev, K.V., Mikhailov, V.V. (2021). *Gruppovaia identichnost': problemy teoreticheskogo opredeleniia i prakticheskoi realizatsii gruppovykh prav* [Group identity: problems of theoretical definition and practical implementation of group rights]. Transformatsiia identichnostei: opyt Evropy i Rossii : sbornik nauchnykh statei [Transformation of identities: the experience of Europe and Russia: a collection of scientific articles]. In 2 parts. Part 1. Saint Petersburg: Izd-vo SUAI, pp. 177–185. (In Russian).

7. Matieu, B. (2021). Balans mezhdu zashchitoy natsional'noi samobytnosti i vypolneniem mezhdunarodnykh obiazatel'stv: svobodnye vyskazyvaniia o preodolimykh vyzovakh [The balance between Protecting National Identity and Fulfilling International obligations: Free speech on Surmountable Challenges]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia – Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. Vol. 17. No 1, pp. 19–23. (In Russian).

8. Mikhailov, V.V. (2020). Avtonomiia i natsional'noe samoopredelenie kak formy pravovoi zashchity kollektivnykh (gruppovykh) prav [Autonomy and national self-determination as forms of legal protection of collective (group) rights]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Justice*. No 3 (52), pp. 272–277. (In Russian).

9. Mikhailov, V.V. (2021). O nekotorykh protivorechiakh v opredelenii pravovogo statusa grupp (kollektivov) v sovremennoi zapadnoi i otechestvennoi teorii pravovoi zashchity // *Vestnik Sankt-Peterburgskoi iuridicheskoi akademii – Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. No 1 (50), pp. 15-20. (In Russian).

10. Pertrenko, E.G., Kuleshov, E.D. (2020). Problemy zashchity zhertv voennogo konflikta na vostoke Ukrainy [Problems of protection of victims of the military conflict in the East of Ukraine]. *Vestnik DGU – Bulletin of the DSU*. No 1, pp. 86-89. (In Russian).

11. Samylov, I.V. (2017). *Osobennosti pravosub'ektnosti etnicheskikh soobshchestv v ramkakh obshei sistemy sub'ektov prava* [The features of the legal personality of ethnic communities within the framework of the General system of subjects of law]. Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki [Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice]. Novosibirsk: Manuskript. pp. 66–73. (In Russian).

12. Selikhov, N.V. (2019). Narodovlastie – pravo kollektivnykh sub"ektov (kontseptual'nyi vzgliad) [Democracy – the right of collective subjects (conceptual view)]. Part 1. *Pravovaia kul'tura – Legal culture*. No 1 (36). pp. 37–50. (In Russian).

13. Tarbastajeva, I.S. (2015). Kollektivnye prava etnicheskikh obshchnostei: k probleme pravosub"ektnosti v etnonatsional'noi politike [Collective rights of ethnic communities: on the problem of legal personality in ethno-national politics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. No 4. pp. 101–110. (In Russian).

14. Van Dyke, V. (1995). *The Individual, the State and Ethnic Communities in Political Theories // The Rights of Minority Cultures*. Dordrecht.

Об авторе

Михайлов Вадим Викторович, доктор исторических наук, магистр юриспруденции, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; ORCID: 0000-0001-9967-8572, e-mail: batukom@mail.ru

About the author

Vadim V. Mikhailov, Dr. Sci. (Hist.), Master of Jurisprudence, Professor of State University of Aerospace Instrumentations, ORCID: 0000-0001-9967-8572, e-mail: batukom@mail.ru

Поступила в редакцию: 4.07.2021

Received: 4 July 2021

Принята к публикации: 25.08.2021

Accepted: 25 August 2021

Опубликована: 29.09.2021

Published: 29 September 2021